

Первый роман

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

«Фабрика слёз»

РЕАЛИТИ-ШОУ

Вера и Марина Воробей
«Фабрика слёз»
Серия «Первый роман»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162975
«Фабрика слёз»: Росмэн-Пресс; Москва; 2006
ISBN 5-353-02216-5

Аннотация

Катя Андреева по прозвищу Каркуша решила участвовать в реалити-шоу, чтобы помочь раскрутиться Роме, в которого она влюблена. Правда, Рома не знает о намерении Кати. Вместе со своей подругой Каркуша проходит кастинг на телевидении и попадает в программу. Название шоу «ЖЗР» – «Жизнь замечательных ребят» – меняется на «Жадность. Зависть. Ревность», и, как оказалось, эта игра вообще без правил.

Содержание

1	4
2	8
3	16
4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вера и Марина Воробей

«Фабрика слёз»

1

«Привет, подруга! Представляю, как ты удивишься, когда прочитаешь это письмо! Только я ничего объяснять тебе пока не буду, ладно? Потом расскажу, зачем мне это все понадобилось. Только ты не подумай, что у меня крыша поехала... Короче, приступаю к делу. – Каркуша вернулась глазами к началу, перечитала все, что успела написать, немного подумала и вновь застучала по клавишам: – Вчера я нашла в Нете объявление. Одна не очень известная телекомпания проводит кастинг на новый проект. Это будет реалити-шоу. Наверняка ты знаешь, что это такое. Но все же в двух словах поясню конкретно про это шоу. Оно будет называться «ЖЗР», что означает «Жизнь замечательных ребят». Странное название, да? Суть в том, что это игра без правил. Написано, что по ходу дела правила будут постоянно меняться. Всех участников (их должно быть семь пар) постоянно будут снимать камеры. Ну, это как обычно в таких шоу происходит. Победители (а их, как я поняла, будет двое) получают один миллион баксов. Только я не очень поняла, каждый по лимону или один на двоих. Но в любом случае непло-

хо ведь, правда? Еще написано, что сумма выигрыша – это единственное, что останется неизменным. Наверное, ты читаешь это все и думаешь: «А я-то тут при чем?» В том-то и фишка, что на кастинг допускаются только пары. Понимаешь? Две подруги или два друга. Я не знаю, зачем им понадобилось ставить такое условие, но, видимо, понадобилось зачем-то... Короче, кроме тебя, Клав, мне за помощью обратиться не к кому. Я пробовала закинуть удочку Незнакомке (помнишь, я писала тебе о ней?), но она не может из-за экзаменов. Да и вообще она довольно скромная девушка. Я, конечно, не хочу этим сказать, что ты нескромная, просто в твоём характере явно присутствует авантюрная жилка, а Незнакомка (хоть она и очень клевая, и как друг просто супер) ну совсем не авантюрная. Понимаешь?

Да, совсем забыла! Там написано, что хотя бы один из пары должен обладать какими-то явно выраженными способностями. И перечислено, например: музыкальными (вокал, владение каким-либо музыкальным инструментом), художественными (рисование, скульптура), артистическими, литературными (стихи, проза) или какими-либо еще. А у меня, сама знаешь, с талантами...»

– Ну ты скоро? – услышала Каркуша недовольный голос брата. – Вали давай! Занимаешься какой-то фигней, а мне контрольную по истории искусств надо скачать!

– Еще минуточку, Артем! – Катя молитвенно сложила на груди руки. – Ну пожалуйста! – Она выразительно посмот-

рела на старшего брата. – У меня тоже очень серьезное дело, правда.

– Короче, даю тебе ровно пять минут, поняла? – Артем бросил на сестру суровый взгляд, потом посмотрел на свои наручные часы. – Время пошло, – произнес он страшным голосом и вышел из комнаты.

Каркуша вздохнула, и ее пальцы забегали по клавиатуре еще торопливей:

«Артем гонит меня от компьютера, поэтому постараюсь быть предельно краткой, тем более что главное я тебе уже, кажется, написала. В общем, у себя я никаких явно выраженных талантов отыскать не могу. Нет, не то чтобы я считала себя бездарью. Кое-что я, конечно, умею, но мои способности скорее скрытые, чем явно выраженные, а ты официально рисуешь портреты. Мне кажется, тебя это может заинтересовать: миллионы телезрителей увидят, как ты умеешь несколькими штрихами передать главное, самую суть человеческого характера. Но если тебя это не интересует, то я просто обращаюсь к тебе с просьбой: приезжай и помоги мне. Пожалуйста! Очень тебя прошу пойти вместе со мной на этот кастинг. Я потом тебе все объясню. Мне правда это нужно. Очень-очень!»

Если ты согласишься, то первый тур начинается третьего августа, а всего этих туров должно быть три. Проект запускается первого сентября и продлится два месяца. В школу ты не ходишь, а я отмажусь как-нибудь, если все пройдет удач-

но.

Пожалуйста, не отказывайся от моего предложения сразу. Знаю, что в первую минуту оно покажется тебе диким, но умоляю тебя, не спеши. Ты – моя последняя надежда. Короче, жду ответа. А если хочешь, можешь сама заглянуть на этот сайт и почитать, только я тебе все и так пересказала. Все, больше писать не могу, Артем стоит за спиной и нервно дышит...»

– Чего это я нервно дышу? – возмутился Артем, который и впрямь уже стоял у Каркуши за спиной. – Нормально я дышу. А твое время уже истекло, освобождай рабочее место.

Каркуша наскоро распрощалась с Клавой и, не перечитывая, отправила письмо.

«Клавочка! Лавочка, миленькая, пожалуйста, согласиесь! – мысленно умоляла подругу Каркуша. – Я тебя очень-очень прошу, Лавочка! Если бы ты только знала, как мне сейчас это нужно! От твоего согласия зависит вся моя жизнь!»

Катя посмотрела на часы. Стрелки показывали половину четвертого. В четыре часа у входа в метро «Спортивная» ее будет ждать Рома – человек, ради которого она и решилась отправиться на этот кастинг. Человек, ради которого Каркуша могла бы сделать все, что угодно. Во всяком случае, Каркуше сейчас казалось именно так...

2

Она пришла к метро на десять минут раньше. Беспокойно озираясь по сторонам, Каркуша, хоть ей и нужно было купить кое-какие мелочи в близлежащих палатках, решила никуда не отлучаться. А вдруг Рома придет и увидит, что ее нет? Додумывать до конца эту леденящую душу мысль ей не хотелось. Даже представить было страшно, что они могут сегодня не встретиться. Такого сильного чувства к парню Каркуша еще в своей жизни не испытывала, и оно пугало ее, выбивало из привычного ритма, заставляло совершать безумные поступки, к коим с легкостью можно было отнести отправку письма, которое она написала сегодня Клаве.

Клава Крик жила в Питере. С Каркушей они познакомились при довольно странных обстоятельствах: Клава просила в метро милостыню, а Катя, поддавшись внезапному порыву, позвала ее к себе домой, воспользовавшись отъездом родителей. Но почти с первой же минуты Каркуша почувствовала, что что-то здесь не так – уж очень не похожа была Клава, которая, к слову сказать, назвалась Вероникой, на нищенку: ни одеждой, ни манерой держаться и говорить... Вскоре выяснилось, что новая знакомая Каркуши и в самом деле никакая не нищенка, а дочь известной питерской киноактрисы Прасковьи Крик и что, стоя в метро с протянутой рукой, Клава выражает своеобразный протест. Против

чего? Против того, что ее мама, карьера которой в последнее время круто пошла вверх, полностью погружена в свои личные проблемы и съемки бесконечных телесериалов и даже забыла поздравить дочку с днем рождения. Против того, что мама вообще, похоже, забыла, что у нее есть дочь... А ведь прежде они вдвоем часами бродили по питерским трущобам, выискивали дома под снос и выуживали изхлама, брошенного старыми жильцами, книги, потрепанные игрушки, а потом вместе в своей десятиметровой комнатухе, что была частью огромной питерской коммуналки, приводили в порядок книги, «лечили» игрушки. Которые, кстати, мама даже не взяла потом в их новую шикарную квартиру, купленную на гонорары от съемок столь ненавистных Клаве телесериалов. Все это, конечно, было лишь внешним проявлением того, с чем Клава нипочем не желала смириться, а именно – с потерей. Потерей близких, душевных отношений с мамой, потерей самого главного – взаимопонимания, любви, постоянной потребности друг в друге. Вернее, у Клавы-то эта потребность осталась, только вот ей казалось, что у мамы ее больше нет... Что успех и внезапно обрушившаяся на Прасковью Крик слава и большие гонорары так сильно вскружили ей голову, что теперь, кроме любовных интрижек да дальнейшего карьерного роста, ее уже ничего не интересует. Впрочем, это было не так. И когда (не без помощи Каркуши) Прасковья Крик приехала к ней домой, чтобы встретиться с дочерью, Катя поняла, что она любит Клаву. Очень

даже любит. И что все, что говорила ей о маме новая подружка, есть не что иное, как очень сильное преувеличение, спровоцированное элементарной обидой.

Вероятно, Клава тоже смогла взглянуть на ситуацию другим, более взрослым взглядом, потому что на следующий день уехала вместе с мамой домой, в Питер, простив ей и забытый день рождения, и игрушки, которые та не захотела брать на новую квартиру.

После отъезда Клавы отношения между девушками не прервались – они общались по электронной почте, часто перезванивались, а на весенние каникулы Катя ездила в Питер. Побывав дома у Клавы и Прасковьи Крик, Каркуша увидела, что их отношения окончательно наладились, чему она была безмерно и искренне рада. Клава готовилась к поступлению в художественное училище – брала уроки у одного очень известного в Питере (да и далеко за его пределами) художника.

Каркуше казалось, что Клава немного влюблена в своего учителя. Во всяком случае, в каждом письме она так или иначе упоминала о нем, и Каркуша чувствовала, что от этих строчек веет какой-то романтической тайной. Прямых вопросов Клаве она, разумеется, не задавала, рассудив, что если та захочет, то сама обо всем расскажет при случае. Если только, конечно, влюбленность Клавы не была плодом слишком развитого воображения подружки.

Вообще-то Каркуша знала, что у Клавы есть парень. Его звали Кирилл. Они познакомились здесь, у Каркуши дома,

в тот самый достопамятный приезд Клавы в Москву. Кирилл учился во ВГИКе на художника-постановщика и дружил с Артемом – старшим братом Каркуши. Похоже, он влюбился в Клаву с первого взгляда, что, впрочем, было неудивительно! Похожая как две капли воды на свою красавицу мать, Клава обладала исключительными внешними данными: огромные, всегда немного удивленные, василькового цвета глаза; аккуратный, чуть вздернутый носик; пухлые, не нуждающиеся ни в какой помаде ярко-розовые губы; чистая, будто мраморная, кожа; густые, пшеничного цвета волосы, которые Клава либо носила распущенными (волосы доходили ей до середины спины), либо забирала на затылке в хвостик.

Правда, в последнем письме Клава написала Каркуше, что «с Кириллом у нее не все так, как хотелось бы». Единственное, что удалось понять Каркуше, это что Кирилл внезапно начал безумно ревновать Клаву, и, как утверждала подруга, совершенно беспочвенно. Он начал требовать немедленного переезда Клавы в Москву, аргументируя это тем, что сам сможет подготовить ее к поступлению «ничуть не хуже дутых знаменитостей на час». Ясно, что таким образом Кирилл намекал на педагога Клавы, модного художника-портретиста Федора Львова. Из письма явствовало, что Клава поссорилась с Кириллом, высказав ему в лицо, «что на самом деле он просто завидует Федору» и ревнует Клаву. «А я не приемлю в людях именно эти два качества: ревность и зависть», – де-

лилась Клава с подругой.

Каркуше трудно было рассуждать о таких вещах, но она, конечно, не стала писать об этом Клаве. А если честно, то она бы полжизни отдала, если бы Рома проявил по отношению к ней такие чувства. Пусть бы он хоть капельку ее приревновал, поставил бы ей какое-нибудь условие, заявил бы свои права на нее... Каркуша даже пыталась как-то искусственно разжечь в нем чувства, которые принято считать негативными. Она рассказала Роме, что один парень из школы (выдуманный, конечно) неровно дышит к ней, преследует, провожая каждый день после школы домой, постоянно звонит, забрасывает эсмэсками весьма откровенного содержания. И что же? Рома абсолютно бесстрастно воспринял эту информацию. Единственное, что заставило его немного поволноваться, так это вопрос: не рассчитывает ли, случайно, Каркуша на него в том смысле, что он должен разобраться с этим парнем?

Но Каркуша ничего такого не имела в виду. Тем более что и парня-то никакого не существовало. Она просто хотела вызвать Ромину ревность, вот и все. Правда, через несколько дней Катя прочитала в одном журнале, что якобы ревность ни в коей мере не является доказательством любви, а скорее даже наоборот: ее наличие говорит об отсутствии чувства любви. В статье пространно говорилось о взаимодействии этих двух чувств. Главный вывод, который с великой радостью вынесла из прочитанного Катя, – что настоящая, в

смысле глубокая, любовь, а не поверхностная влюбленность всегда свободна от ревности, потому что ревность есть не что иное, как проявление мелкособственнических инстинктов, которые отнюдь не говорят в пользу вашего избранника. Ну и все такое, в этом же духе.

Рома опаздывал уже на шесть с половиной минут. Можно было, конечно, позвонить ему на мобильный, но Катя, хоть и не считала, что подобные звонки роняют достоинство девушки, отчего-то оттягивала этот момент. Беспокойство росло с каждой секундой. Все напряженной всматривалась Катя в толпу в надежде увидеть знакомый силуэт.

«Позвоню через пять минут... Нет, через семь, – уговаривала себя Каркуша, то и дело бросая взгляд на дисплей своего мобильного телефона. – Вот если бы я опаздывала, обязательно позвонила бы... – Внутри начинало шевелиться некое подобие досады. – Давно бы уже купила карточку. – Каркуша вспомнила вдруг, что на счете у нее оставалось всего несколько центов. – Да и паста зубная кончилась... Торчу тут без дела уже пятнадцать минут. Сама виновата. Теперь-то уж точно отлучаться нельзя...»

Рома появился совсем не с той стороны, откуда ждала его Катя. Подкравшись незаметно сзади, он тронул ее за плечо.

– Ой! – счастливо улыбнулась Каркуша. – Ты разве не на метро приехал?

– На маршрутке. – Рома надвинул козырек черной бейс-

болки на самый лоб. – Извини, котенок, в пробку попали...

– Ерунда, – махнула она рукой и соврала зачем-то: – Я сама опоздала на пять минут.

– Вот и славно. – Это было излюбленное Ромино выражение, он употреблял его чуть ли не через слово. – Ну что, куда пойдём?

– Не знаю. Может, в кино? – робко заглядывая Роме в глаза, предложила Катя.

– Не, котенок, сегодня не получится, – развел руками Рома. – Обещал одному челу одну штуку передать, – туманно выразился он, провожая взглядом длинноногую блондинку в мини-юбке. – Красивая девушка, – беззастенчиво вздохнул он.

И хотя Рома не впервые позволял себе подобные штучки, Катя никак не могла к этому привыкнуть. На этот раз она, правда, промолчала, отведя глаза в сторону.

– Да ладно тебе, – слишком громко для людного места рассмеялся Рома. – Это прикол такой! Типа, шутка...

И поскольку Катя все еще стояла набычившись, нарочито глядя в сторону, Рома обнял ее за плечи, притянул к себе, хотел было поцеловать в губы, но в этот момент девушка резко запрокинула голову, поэтому поцелуй пришелся куда-то в шею.

– Ну не буду больше, – все еще хихикал Рома, теребя вялую Каркушину руку. – Не дуйся, слышь, котенок, хватит дуться, а то сейчас свалю... В смысле, уйду, – зачем-то по-

яснил он.

Каркуша резко повернула голову. В ее глазах читалось неподдельное отчаяние. Услышав эту, пусть даже произнесенную шутливым тоном, угрозу, она так искренне перепугалась, что даже не сумела этого скрыть. Впрочем, Катя никогда не умела скрывать свои чувства, хоть и понимала прекрасно, что это свойство натуры следует относить скорее к недостаткам, нежели к достоинствам.

3

С Ромой они познакомились примерно месяц назад в одном из дорогих ночных клубов, куда Каркуша попала, в общем-то, по чистому недоразумению. Ее друг Паша был приглашен на день рождения к своему однокурснику. По счастливому (для Каркуши, конечно) стечению обстоятельств Паша накануне поссорился со своей девушкой, и, чтобы не отправляться на тусовку в одиночестве, а возможно желая тем самым отомстить своей девушке, он позвонил Каркуше и предложил ей составить ему компанию. Недолго думая Каркуша согласилась. Во-первых, она считала Пашу своим настоящим другом и не могла отказать ему в такой невинной просьбе. А во-вторых, когда еще представится возможность побывать в таком шикарном, как она думала, заведении?

Вечер, в общем-то, оказался довольно скучным, если не считать, разумеется, ее знакомства с Ромой. Впрочем, он пришел гораздо позже, когда изрядная половина гостей (которые все, за исключением Паши, показались Каркуше излишне пафосными и напыщенными) успела как следует выпить, что позволило Роме выгодно выделиться на общем фоне. И потом, появление нового человека в компании, где все друг другу уже порядком поднадоело, всегда вызывает живой интерес. У Каркуши же этот интерес был не только живым, но еще и пристальным. Потому что с первого взгляда

она вдруг с обжигающей ясностью поняла, что это *ее человек*. Еще ни разу в жизни с ней такого не случилось, чтобы, вот так вот взглянув на парня, сразу ощутить радостное смятение, почти восторг, горячую волну, поднимавшуюся откуда-то из самой-самой глубины ее существа.

Красавцем в общепринятом понимании этого слова Рома не был. Для того чтобы назвать это лицо красивым, ему не хватало какой-то четкости. Черты его казались несколько размытыми, что ли... Вроде бы все в порядке: карие, правда, не слишком большие глаза, ровный узкий нос, красиво очерченные губы, волосы, хоть и не очень густые, но зато волнистые, светло-русые, собранные сзади в тоненькую косичку. Все, как говорится, на месте... И все равно оставалось ощущение некоторой неопределенности. То есть пока ты смотришь на это лицо, оно тебе нравится, во всяком случае, никаких негативных чувств явно не вызывает, а стоит только отвернуться или закрыть на секунду глаза, как ты уже, как ни стараешься, не можешь воспроизвести его в памяти. Словом, Ромино лицо было незапоминающимся. Впрочем, Каркуша очень удивилась бы, узнав, что кто-то считает лицо ее возлюбленного заурядным. А еще больше удивился бы сам Рома, осмелся бы кто-нибудь ему такое сказать, потому что сам Рома считал себя неотразимым красавцем. И не только считал, то есть думал так, но даже не стеснялся высказываться на этот счет вслух. Всегда, правда, в форме шутки, но, как известно, в каждой шутке есть доля настоящих чувств.

И зачастую себялюбивые люди лишь прикрываются шуткой, когда хотят заявить о своих достоинствах в полный голос: я, мол, сказал, а уж вы сами решайте, всерьез я так думаю или просто прикалываюсь. В любом случае внимание окружающих обеспечено!

– А почему ты так уверен, что попадешь на этот проект? – спросила Каркуша, когда они с Ромой усаживались за столик одного из летних кафешек.

– Потому что я: а) талантливый, б) красивый, в) прикольный и яркий... Дальше продолжать? – Он вопросительно вскинул брови и, улыбнувшись, тихо, но с подлинным чувством добавил: – Но самое главное, я должен пробиться, просто не имею права упустить этот шанс и не упущу его.

– Но ведь упустил уже? – робко напомнила Каркуша. – И не раз...

Рома рассказывал ей, что принимал участие уже не в одном кастинге – и на «Фабрику звезд» пытался попасть все пять раз, и на «Народного артиста», и на «Семеро под солнцем», и еще куда-то. Каркуша не помнила названий всех этих реалити-шоу, которых на нашем телевидении развелось бесконечное множество.

– Я в курсе, – нервно дернул головой Рома. – Потому и не могу упустить этот.

Катя уже пожалела о сказанном – такой злобой горели сейчас его глаза. Ей хотелось как-нибудь перевести разговор на другую тему, но девушка понимала, что это будет выглядеть

нарочито, совсем неестественно, а потому и сидела молча, вглядываясь в дно опустевшей чашки. Себе Рома купил сок, а Каркуше – кофе. Оба давно выпили свои напитки, но покидать кафе не торопились.

– Ты пойми, что я иду на этот проект не за славой, а за выигрышем. Славу, при наличии денег, я сам себе обеспечу, причем легко. Конечно, и засветиться с экрана телика не лишнее... Но это не тот проект, где тебя могут раскрутить, потому я и нацелен исключительно на выигрыш. Главное, пробиться, а остальное – уже дело техники.

– Вот ты все время говоришь «пробиться». – Каркуша осеклась вначале, но деваться было некуда: начала – значит, надо продолжать. – А мне так и хочется все время спросить тебя: куда? Куда ты все время стремишься пробиться? О какой раскрутке говоришь? Ты хочешь стать поп-звездой?

– Необязательно, – передернул плечами Роман. – Вообще-то я неплохо пою... Я же тебе говорил...

Рома действительно рассказывал Кате о том, что обладает прекрасными вокальными данными, правда, ей не довелось еще услышать, как он поет.

– И потом, – с убежденностью человека, хорошо понимающего, о чем идет речь, продолжал Рома, – для меня не важно, чем конкретно заниматься, вернее, это не главное. Главное – попасть в эту касту! Я имею в виду шоу-бизнес. Возможно, я не стану вокалистом, или, как ты выражаешься, поп-звездой, но у меня уже будет выбор. Если захочу, смогу стать

продюсером, видежем... Да мало ли кем? Создам собственную звукозаписывающую студию... Главное в наше время – это раскрутка. Если никто мне ее не сделает, я займусь этим сам. Но для раскрутки нужны деньги. И у меня они будут.

– А почему ты так хочешь попасть туда? – Каркушу давно волновал этот вопрос, но все никак не выпадало удобного случая его задать. И вообще поговорить на эту тему. – Я имею в виду шоу-бизнес.

– Потому что там – мое место, – отрезал Рома так, словно иного ответа на этот вопрос не существовало.

– Ясно, – несколько разочарованно протянула Каркуша, хотя многое ей по-прежнему оставалось неясным.

Впрочем, чего это она привязалась к нему? Если человек точно знает, что ему нужно, четко определил свои цели в жизни, ясно видит пути их достижения, что же в этом плохого? Наоборот, это очень даже здорово! Она вот, например, до сих пор не знает, чего хочет от жизни, или, как говорили в детстве, не знает, кем хочет стать, когда вырастет. Смешно звучит: «когда вырастет»! Уже выросла, а так и не поняла, к чему имеет склонность. А вот Рома определился. И она делает все, что от нее зависит, чтобы ему помочь. На этот счет у Каркуши имелись некоторые соображения, а если говорить совсем уж прямо, то у Каркуши был вполне определенный план действий, к реализации которого она, кстати сказать, уже приступила. Только вот Роме об этом пока знать не полагалось. А вдруг ничего не получится, кем она тогда будет

выглядеть в его глазах?

– А если все получится, как ты задумал... – осторожно, исподволь заговорила на волнующую тему Катя. – Ну, если ты пройдешь этот кастинг, окажешься на проекте, выиграешь главный приз... – Она старалась не смотреть на него, боялась, что он что-то почувствует, поймет, что она интересуется не из простого любопытства.

– И что же? – похоже, Рома уже начинал злиться. – Не пойму, чего ты от меня хочешь?

– Сейчас объясню. – Катя тщетно пыталась скрыть волнение. – Если ты добьешься цели, ты будешь счастлив?

– Глупый вопрос. – Рома так скривил физиономию, как будто съел что-то ужасно кислое. – Разумеется, я буду счастлив. Как может не быть счастлив человек, достигшей своей цели? Только я не люблю выражения типа «будешь счастлив», «безумно рад» и прочие фигуры речи, – снова скривился он и, то ли от досады, то ли просто так, по привычке, сплюнул через плотно стиснутые зубы.

Каркуша и сама почувствовала, как неестественно прозвучал ее последний вопрос, потому что тоже старалась избегать таких напыщенных фраз, но должна же она выяснить, насколько для Ромы важно то, о чем они говорили.

– А с кем ты пойдешь на кастинг? – почему-то Каркуша никак не могла остановиться, хотя и видела, что Рома был бы рад поговорить на любую другую тему. – Там ведь обязательно нужно идти с другом...

– Ну есть у меня один друг, Варлам. Прикольный чувак и пианист неплохой, но ты его не знаешь. – Теперь Рома говорил как бы нехотя, устало. – А почему тебя это так интересует, котенок?

– Просто... – Каркуша накручивала на палец резиновое кольцо, которое несколько минут назад нащупала в кармане джинсовой куртки. – Просто мне интересно все, что тебя касается, – неожиданно нашлась она, ни капли при этом не покривив душой.

– Спасибо, котенок, – улыбнулся Рома, хотя взгляд его и продолжал оставаться напряженным. Резким движением он отодвинул от себя пустой бокал, вытащил из кармана мобильник, взглянул на дисплей и сказал, нахмурившись: – Опочки! Мне уже нужно бежать. Извини, что не смогу проводить. Тебе еще чего-нибудь взять? – Этот вопрос был задан просто так, чтобы соблюсти приличия, и Катя, мельком отметив это про себя, встала:

– Нет, спасибо. Ты на метро поедешь?

– Куда там! – воскликнул Рома. – Тачилу придется брать!

– Что? – не поняла Каркуша.

– Ну, в смысле, тачку. На такси поеду, не успею иначе...

«Нет, все-таки я очень счастливый человек, – думала Катя, шагая к метро. – Ведь некоторые люди живут и даже не подозревают, что можно так любить! Сколько угодно на свете таких людей, которые о любви только из книжек знают и фильмов, а сами не способны испытывать это чувство...

А бывают, что способны, но не знают об этом, потому что за всю жизнь не встретили своего единственного, предназначенного судьбой человека. Просто их дороги по жизни не пересеклись, вот и все! А моя дорога с дорогой Ромы пересеклась! А что было бы, если б Паша не поссорился со своей девушкой, не позвал меня в клуб? Как все-таки многое в нашей жизни зависит от каких-то случайностей! А может быть, это никакая не случайность? Может, кому-то могущественному там, на небесах, было угодно, чтобы мы с Ромой встретились?»

4

«Ну, привет! Ты это серьезно про какое-то там шоу? Или это приколы такой? Так вроде бы не первое апреля. – Каркуша с волнением прочитала первую строчку письма. Клава не стала задерживаться с ответом. Быстро пробегая глазами по строчкам, Каркуша пыталась понять главное: поддержала ли подруга ее безумную идею? Не содержится ли в письме категорического отказа? – Я, конечно, удивилась, чего уж тут говорить, – продолжала писать Клава. – И потом, ты ведь знаешь, что я вообще телевизор практически не смотрю, потому что не люблю. И о всяких там реалити и прочих шоу имею весьма приблизительное представление. Чего уж тут говорить! Своей просьбой ты поставила меня в очень трудную ситуацию: с одной стороны, не могу отказать подруге, тем более той, что однажды поддержала меня и помогла выйти из наикрутейшего штопора. Я это пишу, потому что по прошествии времени по-другому смотрю уже на те события. Понимаешь? Не знаю, что со мной было, если бы мы с тобой тогда не встретились и ты не побоялась бы привести меня к себе домой.

А с другой стороны... Напрягаю все свое воображение и не могу представить себя в роли участницы телевизионного шоу! Более неподходящей для такой роли кандидатуры, чем я, по-моему, отыскать трудно. Может, все-таки найдешь ко-

го-нибудь другого, а? – В этом месте Каркушино сердце тревожно замерло. Между тем подруга ее продолжала: – Ладно, давай поступим вот как: я сейчас свободна – Федор (это мой педагог по живописи, о котором я тебе уже писала) уезжает в Париж, где будет проходить его персональная выставка. В общем, я могу нагряться к тебе в гости. Если честно, то и без всякого шоу собиралась это сделать. Давай обсудим все при встрече? Тем более что ты намекаешь на какие-то таинственные причины, которые побудили тебя принять участие в этой телефигне. А меня любопытство разбирает: что за причины такие? Заинтриговала, короче. В общем, пока что я тебе ничего обещать не стану. Уж больно неожиданное предложение ты мне сделала. Сердце подсказывает мне, что все дело именно в этих причинах, о которых ты почему-то не захотела писать. Может, при встрече расколешься?

Ладно. Завтра с утра рвану за билетом, а потом позвоню тебе.

Все. Целую тебя, подруга. Надеюсь, до скорого!

Твоя орущая Лавка».

Это была шутка, намекающая не необычное имя Каркушиной подруги – Клава Крик. Близкие называли Клаву Лавочкой. Вот и получилась «орущая Лавка».

Еще раз перечитав письмо, Каркуша решила, что все складывается даже лучше, чем она могла бы ожидать. Почему-то Катя ни секунды не сомневалась, что личная встреча с по-

другой значительно облегчит ее задачу и уж она пустит в ход все свое красноречие, чтобы убедить Клаву пойти вместе с ней на этот кастинг.

Все утро Каркуша металась по квартире как загнанный зверь. Можно было бы, конечно, набрать номер Клавы и спросить, купила ли она билет и не передумала ли вообще приезжать, но денег на ее телефоне осталось так мало, что едва хватило бы на звонок, а звонить с городского ей не хотелось.

«Все, сейчас сварю себе кофе и пойду куплю карточку», – твердо решила Каркуша, и в эту самую минуту ее мобильный телефон издал протяжный, нарастающий сигнал, который означал, что кто-то прислал Кате эсэмэс-сообщение.

– Приезжает! – От избытка чувств Катя даже поцеловала дисплей. – Завтра! В семь тридцать утра! – на всю квартиру орала она, позабыв от радости, что находится дома не одна.

– Ну ты чего? Совсем, что ли, крышу снесло?! – В комнату заглянул недовольный и заспанный Артем.

– Клава завтра приезжает! – Каркуша подбежала к старшему брату, за руку втащила его в комнату и принялась хлопать в ладоши, скакать вокруг него, радостно выкрикивая: – Приезжает! Ура! Приезжает!

– Вот ненормальная, – сквозь зубы процедил Артем и, взъерошив волосы, медленно поплелся в ванную. – Ну что за фигня вечно? – недовольно бурчал он. – Даже в каникулы отоспаться не дадут!

Городской телефон зазвонил в тот самый миг, когда кофе, образуя густую пенистую шапку, пополз вверх, к горлышку медной, с деревянной ручкой турки. Порывисто выключив газ, Катя кинулась в прихожую.

– Алло! – радостно выкрикнула она в трубку.

– Привет. – Голос Ромы звучал как-то непривычно: то ли помехи на линии были тому виной, то ли парень находился не в самом лучшем расположении духа. – Тут такое дело, котенок... Я тебе чего, собственно говоря, звоню...

Повисла пауза. Каркуша, решив, что связь оборвалась, закричала в трубку:

– Алло! Алло, Ром! Перезвони, пожалуйста! Я тебя не слышу!

– Зато я тебя отлично слышу, – недовольно, как показалось Кате, заметил Рома, после чего заговорил вдруг четко и достаточно громко: – Я сегодня не смогу с тобой встретиться и завтра тоже.

– Почему? – не смогла скрыть разочарования Катя.

– Кастинг сдвинули на неделю. Я случайно об этом узнал. А в интернете ни слова не написали. Я думаю, они нарочно это сделали, чтобы толпу не собирать. Ну понимаешь?

– Нет, – честно призналась Каркуша, лихорадочно сообщая, успеет ли Клава приехать к назначенному сроку.

– Лишний народ отсеять хотят. А так придут только те, кто узнает. В смысле, такие, как я.

– А кто тебе сказал? Вдруг это неправда? – спросила Кар-

куша, стараясь не выдать своего волнения.

– Источники более чем достоверные, – уверенно возразил Рома. – У меня приятель в этих кругах вертится, если он сказал, значит, так и есть.

– А когда первый тур? – Катя нервно теребила провод телефона.

– Я же сказал, завтра. В десять утра. Правда, время еще уточнить надо.

– А где? По тому адресу, который на сайте указан? – продолжила проявлять интерес Катя.

– Ну да... – Теперь в голосе Романа слышалось напряжение. – А почему ты спрашиваешь, котенок? Тоже, что ли, хочешь пойти? – предположил он и неожиданно громко рассмеялся. – А что, клево было бы! – сквозь смех проговорил он.

Катя жутко смутилась. Только теперь ей пришла в голову, казалось бы, очевидная мысль: а что, если они с Ромой встретятся на кастинге? Да, пожалуй, даже наверняка встретятся! Особенно когда выяснилось, что народу там будет не так уж и много. Не то чтобы Каркуша раньше совсем не задумывалась на эту тему, просто она, по своему обыкновению, оттягивала решение проблемы до последнего момента. «Будем решать проблемы по мере их поступления!» – гласила любимая Каркушина поговорка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.